

Н. Н. ПОПPE

ЧУВАШИ и ИХ СОСЕДИ

Общество Изучения Местного Края
Чебоксары 1927 г.

Чебоксары, типография
«Чувашская Книга»

ВВЕДЕНИЕ

Когда из всего долгого прошлого какого-либо народа известны лишь некоторые периоды его истории, исследователи его культуры, желающие пролить хотя бы небольшой свет на окутанный мраком неизвестности пройденный им путь, должны бывают обращаться к смежным с историей областям знания и черпать у них недостающие сведения. К таким областям знания прежде всего следует отнести языкознание, которому принадлежит одно из самых почетных мест среди остальных наук, объектом изучения которых является человек во всех его проявлениях, ибо когда молчат все науки, то только данными языкознания можно решить вопрос о том, существовали ли между теми или другими народами древности какие-либо сношения, а также определить характер их, если факт таковых сношений может быть подтвержден. Кроме того только на основании данных языкознания можно отождествить тот или другой народ древности с каким-нибудь из ныне существующих, ибо все меняется—культура, религия и даже антропологические особенности, но язык остается, хотя бы сильно изменившийся, значительно утративший свой первоначальный облик, но он все же остается и благодаря этому является самым верным и постоянным признаком, которым ученый может руководствоваться всегда и при всех обстоятельствах. Так например, народ может в течение короткого сравнительно времени перейти от кочевой жизни к оседлой, от скотоводства к земледелию, он может в силу тех или иных обстоятельств быстро переменить свою религию, живым примером чего является большинство народов мира; наконец, смешавшись с другим

народом, он может переменить свой антропологический тип, но тем не менее он продолжает говорить на своем, правда, несколько изменившемся в силу этих самых обстоятельств, языке.

Все это как нельзя больше справедливо и в приложении к чувашскому народу и его соседям. Мы плохо знаем историю чувашского народа и мы почти ничего не знали бы, если бы мы не имели в руках такого мощного орудия, как языкознание. Так например, только средствами языкознания удалось выяснить, что чуваша являются потомками одного хорошо известного народа древности, а именно волжских булгар¹⁾, и только средствами языкознания удалось установить, что чуваша с древнейших времен и до последнего времени оказывали сильное культурное влияние на своих соседей.

Историкам культуры чувашского народа необходимо будет учесть все это и использовать данные чувашского языка и языков их ближайших соседей при решении вопросов, относящихся к их области.

В этом им, быть может, окажется полезным настоящий краткий очерк, в котором собраны все материалы по вопросу о влиянии чувашей на их соседей по данным языкознания.

¹⁾ Смотри по этому поводу книгу М. П. Петрова, „О происхождении чуваш“, Чебоксары, 1925, стр. 12 и сл.

I. Булгары и венгры.

Старинное венгерское предание гласит: в давнее время у жены великана Нимрота родились два сына—близнецы Гунор и Могор, поселившиеся в стране Евилат, одной из областей Персии. Однажды юноши отправились на охоту и встретили серну, обратившуюся при виде их тотчас же в бегство по направлению к болотам Меотиды. Долго блуждали охотники в поисках серны, но безуспешно, и исходив всю страну вдоль и поперек, они были вынуждены вернуться домой нисчем. Страна, в которой они проблуждали безрезультатно столько времени, им так понравилась, что они с согласия отца тотчас же вернулись туда и прожили там пять лет. Однажды они встретили в степи жен и детей сынов Белара и похитили их со всем скарбом, бывшим при них. Среди пленников оказались дочери аланского вождя Дула. На одной из них женился Гунор, а на другой Могор. И от них пошел род всех гуннов и венгров¹⁾.

Хотя этот рассказ только легенда, но тем не менее заслуживает серьезного внимания, ибо в нем мы находим упоминание одного народа, далеко не безразличного для нас, а именно народа белар, больше известного под названием болгар²⁾ и являющегося предком чувашского народа³⁾.

1) У Симона де Кеза в *A magyar honfoglalás kútfoi*, Budapest, 1900, стр. 479.

2) Под названием „билар“ булгары упоминаются, напр., у Абульфеда, срв. Д. А. Хвольсон, *Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах—Ибн-Даста*, СПб., 1869, стр. 88. У Плано Карпини они упоминаются под названием „билеры“, срв. Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов*, изд. А. С. Суворина, СПб., 1911, стр. 25. Срв. I. Sismanov, *L'étymologie du nom bulgare*, Keleti Szemle, IV, стр. 350, 363 и т. д. (там же все прочие формы этого племенного названия).

3) Н. Н. Поппе, *О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков*, Чебоксары, 1925, стр. 8 и сл. Там же главнейшая литература вопроса.

Не только это мимолетное упоминание предков чувашей—булгар свидетельствует о некогда имевших место сношениях булгар и венгров, но и нечто другое, имеющее в научном отношении гораздо большее значение, а именно достоверные исторические и лингвистические свидетельства о том, что предки нынешних чувашей и венгры некогда были близкими соседями. Объясняется это очень просто тем, что венгры, населяющие Паннонскую равнину, являются выходцами из стран, лежащих гораздо дальше на восток и лишь в 894 году нашей эры перешли Дунай и оказались там, где их застаем теперь. Где находилась прародина венгров, при нынешнем состоянии науки сказать очень трудно: во всяком случае достоверно известно, что до появления своего у берегов Дуная венгры долгое время жили на восток от нижнего течения Дона. На основании армянских и арабских источников историку Маркварту удалось даже более точно установить область первоначального обитания венгров, которая должна была находиться на северо-западе от Кавказа в углу между Доном и Кубанью¹⁾. Здесь венгры по историческим данным были уже в середине VIII столетия, появились же они здесь вероятно значительно раньше. Здесь же в углу между Доном и Кубанью имели место оживленные культурные сношения венгров с древними булгарами, нашедшие отражение в венгерском языке.

В литературе давно было обращено внимание на наличие в венгерском языке турецких элементов, вследствие чего первые исследователи были склонны на основании их считать венгерский язык языком турецким. Лишь после того, как была доказана принадлежность венгерского языка к финно-угорским, венгерский исследователь Буденц высказал мысль, что турецкие элементы в венгерском языке являются чрезвычайно древними заимствованиями, причем им же было впервые установлено, что многие из этих заимствований носят несомненно чувашский характер²⁾.

В то время, когда было сделано это открытие (1871 г.) чувашский язык был еще очень мало изучен, вследствие

¹⁾ J. Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903, стр. 30 и сл., 57 и сл.

²⁾ В журнале Nyelvtudományi Közlemények, X, стр. 133.

чего работа по определению древне-чувашских элементов в венгерском языке подвигалась вперед очень медленно. Лишь впоследствии (в 1912 г.) удалось другому исследователю — Гомбоцу установить в результате планомерного обследования состава венгерского языка факт наличия в нем значительного количества древне-чувашских слов, сохранившихся в венгерском языке в чрезвычайно архаичной форме¹).

Критериями для выделения чувашских элементов из общей массы турецких и др. заимствований в венгерском языке являются:

1. **р** как и в чувашском языке в противоположность турецкому **з**, напр. венг. *bo g j ú* „теленок“=чув. пӑру и тур. бузагы;

2. **л** как и в чувашском языке в противоположность турецкому **ш**, напр. венг. *k ö l y ö k* „щенок“=турецк. кӧшӓк „молодое животное“ (к л=ш срв. чув. тӓлӓ „ножные пути для лошадей“=тур. тушаг);

3. **ш** в начале слова как и в чувашском языке в противоположность турецкому **с**, напр. венг. *s á g* (читать шар) „болото“=чув. шур, тур. саз;

4. **м** в конце слова как и в чувашском языке в противоположность турецкому **н**, напр. венг. *szám* (читать сам) „число“=чув. сум и тур. сан „счет“;

5. **с** в начале слова как и в чувашском языке (**ç**) в противоположность турецкому **й** (й), напр. венг. *szél* (читать сел) „ветер“=чув. çил и тур. jäl;

6. **и** как и в чувашском языке в противоположность турецкому **а**, напр. венг. *tiló* „мялка“ и чув. тылӓ, турецк. талы²).

Ввиду того, что многие из этих чувашских фонетических особенностей является общими и для языка волжских

1) Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, Mémoires de la Soc. Finno-Ougrienne, XXX.

2) Gombocz, цит. соч., стр. 188. Срв. J. Németh в Magyar Nyelv, XVII, стр. 23—26.

булгар, дошедшего до нас в нескольких надгробных надписях XIV ст.¹⁾, удалось установить, что относящиеся сюда чувашские слова в венгерский язык заимствованы из языка предков чувашей—волжских булгар²⁾.

Констатируя факт наличия в венгерском языке очень древнего пласта заимствований из древне-чувашского (или булгарского) языка, исследователи естественно должны были задать себе вопрос, каким образом эти заимствования могли попасть в венгерский язык.

Мы уже видели выше, что венгры в известную историческую эпоху жили гораздо восточнее своих нынешних владений, а именно между Доном и Кубанью. Но где же были тогда предки чувашей? Ответ, как будто, ясен: они должны были находиться где-нибудь по соседству с той областью, т. е. гораздо южнее, чем нынешняя чувашская область. Эта догадка подтверждается историческими данными.

По целому ряду исторических свидетельств предки чувашей—булгары в VI ст. нашей эры в значительной своей части жили еще на северном Кавказе. Так, греческий епископ Митилены—Захарий упоминает в своей истории церкви, написанной на сирийском языке около 518 года, среди племен, обитавших на север от Кавказа также и булгар. В географии Моисея Хоренского (VII ст.) области обитания булгар определенно помещаются на север от страны Зихов, т. е. на северо-запад от Кавказа; у Моисея Хоренского же перечисляются некоторые племена булгар. Кроме того, известно, что в V ст. булгары совершили нашествие на Фракию и Иллирию, в середине VI ст. они покорили готов на северном побережье Черного моря и т. д.³⁾.

Все это указывает на то, что в VI ст. булгары еще в значительной части находились близ Кубани, т. е. по соседству с жившими между Кубанью и Доном венграми. Здесь, в Кубанско-Донской области и имело место культурное общение

1) Н. И. Ашмарин, Булгары и чувашаи, Изв. О-ва Арх., Ист. и Этн. при Каз. Ун-те, XVIII, стр. 103.

2) Поппе, цит. соч., стр. 9 и сл.

3) E. Darkó, Zur Frage der uralmagyarischen und urbulgarischen Beziehungen, Kőrosi Csoma Archivum, I, стр. 297—298.

этих двух народов, имевшее особенное значение для венгров, как менее культурного народа и поэтому подвергшегося сильному влиянию со стороны болгар.

Следует, впрочем, заметить, что венгры жившие в ту эпоху по соседству с кубанскими булгарами, южной ветвью того же самого народа, который около начала VII ст. основал волжско-булгарское царство, занимали обширную область, своей северной оконечностью упиравшуюся во владения волжских болгар¹⁾. Таким образом, венгры оказались охваченными и с юга и с севера булгарами и подверглись сильному перекрестному влиянию с их стороны, продолжавшемуся вероятно вплоть до начала IX ст., после какового времени венгры стремительно двинулись на запад, о чем между прочим свидетельствует летописец, относящий время прохождения угров (венгров) через Днепр у Киева в 6406 г., т. е. 890 году нашей эры²⁾.

Результатом этого длительного влияния болгар на венгров явилось, что малоцивилизованные угры (т. е. венгры) усвоили в значительной части болгарскую культуру и вместе с продуктами цивилизации переняли от болгар ряд культурных слов, которые дают возможность набросать приблизительную картину культурного состояния болгар в период от VI до IX ст.

В противоположность венграм, бывшим к началу болгарско-венгерских сношений бродячими охотниками и рыбаками, не знавшими ни скотоводства, ни земледелия, болгары уже тогда были оседлым народом с высоко развитой скотоводческой и земледельческой культурой. Неудивительно поэтому, что знакомством с целым рядом домашних животных венгры обязаны именно булгарам, как об этом свидетельствуют следующие слова: ökög „бык“=чув. väkör, tinö „молодой бык“=чув. тына „пороз“, borjú „теленок“=чув. пайру, disznó „свинья“=чув. сысна, tyúk „курица“=чуваш. ăăăă, a gág „гончая собака“=чув. акар, kölyök „щенок“

¹⁾ Darkó, цит. соч., стр. 298—299.

²⁾ История Государства Российского Карамзина, Изд. А. А. Петровича, Москва, 1903, т. I, стр. 83. S. Fehér, Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V—XI Jahrhunderten, Keleti Szemle, XIX, № 2, стр. 111—112.

из булг., срав. тур. кoшaк „молодое животное, верблюженок“¹⁾. Из приведенных примеров видно, что венгры получили от болгар не только рогатый скот, свинью и домашнюю птицу, но и гончую породу собак. По поводу последней любопытно отметить, что согласно Мукадесси (писал в 985 году) гончие собаки составляли предмет вывоза из Болгарии в Хорезм еще в конце X ст.²⁾.

Заимствовав у болгар рогатый скот, венгры естественно у них же научились и ведению молочного хозяйства, о чем свидетельствуют следующие слова: *ígó* „сыворожка“ из болгарского, срв. башкирск. *жаз*—„сбивать масло“, *sajt* „сыр“=чув. *џакът*³⁾.

Еще гораздо сильнее было болгарское влияние на венгров в области земледелия: здесь мы находим, что венгры познакомились благодаря своим более культурным соседям не только с самими злаками и полезными растениями, но и с сельско-хозяйственными орудиями, со способами обработки земли и главное с виноделием, срв.: венг. *eke* „плуг“ чув. *ака*, венг. *sarló* „серп“=чув. *џурла*, венг. *szégy* „ток“ (первоначально „круг“)=чув. *џёрё* „кольцо“, *szög* „ворошить сено“=чув. *савър*, *tiló* „мялка“=чув. *тылă*, *szőlő* „виноград“=чув. *џырла* „ягода“, *szűg* „цедить“ (вино)=чув. *сёр* „цедить“, *sörgő* „осадок, дрожжи“=чув. *џепре*. Знакомые с обработкой дерева, болгары дали венграм также название ясеня—венг. *köris*=чув. *каръџ* (кавърџ)⁴⁾.

По совершенно понятной причине болгары оказали влияние на венгров также в области одежды и украшений, срв. *süveg* „шляпа“=чув. *Анатри џёлёк*, *gyűrű* „кольцо“=чув. *џёрё*, *tükör* „зеркало“=чув. *тёкёр*⁵⁾.

Раз влияние болгар на венгров сказывается так сильно в области материальной культуры, то сколь сильно оно должно было быть в области духовной культуры? На этот во-

1) Gombocz, цит. соч., стр. 189.

2) Хвольсон, цит. соч., стр. 181.

3) Gombocz, цит. соч., стр. 189.

4) Gombocz, цит. соч., стр. 190 и 192.

5) Gombocz, цит. соч., стр. 191.

прос отвечают такие древне-чувашские слова в венгерском языке, как íg „писать“=чув. çыр и száт „число“=чув. сум¹⁾).

Явившись в те области, в которых венгров застаёт история, т. е. в область между Доном и Кубанью, как полагают со склонов Урала и верховьев Камы²⁾, незнакомые с морем венгры впервые увидели его на своей новой родине. Понятно, что для обозначения моря венгры воспользовались болгарским словом—срв. *tenger* „море“, ныне не употребительным в чувашском языке³⁾).

К приведенным примерам можно привести еще огромное количество других, не менее характерных. В ежедневном общении с болгарями, с которыми венгры имели прежде всего торговые дела, они приняли также целый ряд болгарских терминов, относящихся к торговле, напр. *bég* „цена“=чув. пару „подать“, *kölcsön* „заем“=чув. кивçен и т. д.

Нормальные торговые сношения между двумя народами, как известно, возможны лишь тогда, когда один из них в достаточной мере владеет языком другого. Понятно, что приспособляться приходилось как менее культурному народу, именно венграм, вследствие чего они в результате длительного сожительства с болгарями стали до известной степени двуязычными. Непосредственным следствием этого было то, что венгры стали все чаще и чаще употреблять в речи болгарские слова, которые постепенно вытеснили старые венгерские слова финно-угорского корня. Этим и объясняется, что теперь в венгерском языке наблюдаются такие слова, как *ság* „болото“=чув. шур, *szél* „ветер“=чув. çил, *sárg* „желтый“=чув. шурă „белый“, *kín* „мучение“=чув. хён, *iker* „двойни“=чув. йёкёр, *térd* „колени“=чув. çар куçси, *süggü* „густой“=чув. çăра и т. д.⁴⁾

1) Gombocz, цит. соч., стр. 192.

2) A. Heilmann, Die Herkunft der Ungarn, Túrán, I, стр. 344.

3) Gombocz, цит. соч., стр. 192.

4) В виду того, что среди приводимых Гомбоцом примеров болгарских заимствований в венгерском языке наблюдается значительное количество таких, которые в действительности носят не болгарский, а турецкий характер, здесь приводится гораздо меньше примеров, чем у Гомбоца, но за то в болгарском происхождении их сомневаться не приходится.

Количество болгарских заимствований в венгерском языке, как видно, весьма значительно. Поэтому, можно полагать, что общение венгров с булгарами не могло быть кратковременным, но, наоборот, должно было быть весьма продолжительным. И, если оно прекратилось, как можно полагать к началу IX ст., то ясно, что оно должно было начаться задолго до этого и по всей вероятности не позже VI ст. нашей эры¹⁾.

Булгаро-венгерские отношения носили вероятно мирный характер, ибо о каких бы то ни было столкновениях между булгарами и венграми ничего не известно. Точно также можно считать установленным, что в военном деле учителями венгров являются не булгары²⁾, ибо в венгерском языке совершенно отсутствуют заимствованные из болгарского языка военные термины, которые в большинстве случаев одного корня с соответствующими словами других финно-угорских языков, срв. напр., венг. *püil* „стрела“=финск. *puoli*³⁾.

Это не значит, конечно, что булгары и венгры не были воинственными народами. Наоборот, хорошо известно, что как булгары так и венгры совершали дальние походы; напр., известен поход булгар (в конце V ст.) во Фракию и Иллирию. О мощности булгар свидетельствует между прочим и тот факт, что им были в середине VI ст. подчинены готы на северном побережье Черного моря. С другой стороны известно, что и венгры были воинственным народом: так напр., крепость Саркел была воздвигнута хазарами в 833 или 835 г. в защиту своей страны именно от венгров, неоднократно совершавших набеги на хазарское царство⁴⁾. Впоследствии же, когда между венграми и хазарами установились добрососедские отношения, венгры в качестве верных союзников хазар участвовали во всех хазарских войнах, пока не были потеснены печенегами, что опять создало серьезную угрозу хазарам. Попутно, любопытно отметить, что один, по крайней мере, раз венгры и булгары выступают в качестве

1) Darkó, цит. соч., стр. 299.

2) Gombocz, цит. соч., стр. 206.

3) Fehér, цит. соч., стр. 71.

4) Marquart, цит. соч., стр. 27.

союзников против общего врага, а именно в 839 или 840 г. венгры появляются впервые у Дуная с целью оказания помощи булгарам в их борьбе с восточно-римским императором Феофилом¹). На этот раз это были не кубанские и не волжские булгары, а дунайские, которые перейдя в 679 году Дунай, основали свое царство там, где мы находим нынешнюю Болгарию. Эти, дунайские булгары вскоре захватили гегемонию на Балканах в свои руки и благодаря их организаторским способностям и воинскому духу, славяне впервые стали играть значительную роль в мировой истории.

Этим можно закончить настоящую главу. Как ни отрывочны сведения о древних булгарах, мы все же имеем все данные за то, что это был народ, стоявший на высокой ступени культуры. И это справедливо относительно всех трех ветвей этого народа: донско-кубанской, о которой мы имеем сведения за VI—IX ст., волжской, основавшей свое цветущее царство вероятно в начале VII ст., и дунайской, начавшей играть выдающуюся роль на Балканах в том же VII ст.

II. Чуваши и марийцы.

Если венгро-булгарские культурные сношения относятся ко временам почти легендарным, то влияние тех-же булгар или их потомков—чувашей на другие народности относятся уже к исторической эпохе и локализируются в среднем Поволжье.

Как организованное государство, царство волжских булгар становится известным в истории лишь с X ст., когда в 921 году впервые прибыло к болгарскому царю Алмусу посольство от халифа Муктадира, в котором участвовал Ибн-Фодлан, давший подробное описание волжской Булгарии²). Существовало-же это царство, конечно, и раньше, будучи основано, однако, по всей вероятности не раньше VII ст., ибо готский историк Иорданис в своей написанной около

1) Fehér, цит. соч., стр. 85.

2) Ch. M. Fraehn, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen aus Ibn-Foszlans Reiseberichte, St. Petersburg, 1832, стр. 4.

середины VI ст. истории не упоминает болгар или чувашей несмотря на то, что сообщает весьма подробные сведения о других народностях Поволжья, а именно Мегенс (меря), Морденс (мордва) и Стенписанс (черемисы), подпавших еще около 350 года власти готского правителя Эрмариха¹⁾. Кроме Ибн-Фодлана о болгарях X ст. сообщают некоторые сведения еще другие мусульманские авторы, вследствие чего можно путем сопоставления всех источников составить себе довольно ясное представление о волжской Булгарии и культурном состоянии болгар.

В описании Булгарии, даваемом мусульманскими авторами, нетрудно узнать среднее Поволжье: так напр., по Ибн-Рустэ (писал вероятно не позже 913 г.)²⁾ болгарская земля лежит у большой реки Итиль (татарское название Волги, срв. чувашск. Атӑл) и граничит с землей бургасов (мордвы); страна эта болотистая и покрыта дремучими лесами³⁾; ночи там согласно ал-Балхи летом коротки, а зимой очень долги⁴⁾. По Ибн-Фодлану, там часто бывают грозы и северные сияния⁵⁾. Последнее вероятно относится к северной части Булгарии, бывшей по всей вероятности не слишком отдаленной от страны веси, с которой торговали болгары⁶⁾ и которая помещается летописцем Нестором в Белозерский край⁷⁾.

Согласно Ибн-Рустэ болгары были земледельческим народом и возделывали зерновой хлеб — пшеницу, ячмень, просо и др.⁸⁾ То же говорит и Ибн-Фодлан, указывающий среди продуктов питания болгар толокно. Любопытно отметить, что в качестве питья болгары употребляли березовый сок и мед, что указывает на знакомство болгар с пчеловодством⁹⁾. Будучи земледельцами, болгары, конечно, очень давно перешли

1) А. Куник и В. Розен, Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, СПб, 1878, стр. 155.

2) Хвольсон, цит. соч., стр. 4. По Розену (цит. соч. стр. 65, прим. 1) правильнее Ибн-Дусте, настоящее же его имя было Ибн-Рустэ.

3) Хвольсон, цит. соч., стр. 22.

4) Хвольсон, цит. соч., стр. 82.

5) Fraehn, цит. соч., стр. 6.

6) Хвольсон, цит. соч., стр. 187.

7) Карамзин, I, стр. 37.

8) Хвольсон, цит. соч., стр. 23.

9) Fraehn, цит. соч., стр. 20.

к оседлому образу жизни. Поэтому они в X ст. жили уже в деревянных домах и лишь на лето переселялись в юрты¹⁾, подобно тому, как и теперь представители многих народностей на лето переселяются в амбар или клеть. В эту эпоху в стране болгар было уже несколько крупных городов, среди которых самым блестящим был Булгар на Волге, о котором Ибн-ал-Варди отзывается как о городе, описание которого превосходит всякую вероятность²⁾.

Город этот, туземное название которого было по всей вероятности Билер³⁾, находился на Волге там, где теперь село Булгарское или Успенское Спасского уезда Казанской губ. Городские постройки были согласно Мукадесси (985 год) из дерева и камыша, на рынке находилась главная мечеть⁴⁾. Кроме того в городе имелось три купальни⁵⁾.

Помимо Булгара существовало еще несколько других городов, среди которых на первом месте стоит Сивар, лежавший по Мукадесси тоже на Волге, но в отличие от Булгара состоявший из войлочных построек⁶⁾. Город этот был повидимому сильно населен, на что указывает свидетельство Ал-Балхи, согласно которому в городах Булгаре и Сиваре вместе около 10000 жителей⁷⁾. Мукадесси называет еще какой-то третий город, но имя его к сожалению неразборчиво⁸⁾. Наконец, Нестор и другие летописцы упоминают еще болгарские города Собекуль, Челмат и Торцьский город (под 1183 год)⁹⁾.

Что касается политического строя волжской Булгарии, то там существовала монархия. В 921 году, когда прибыло в Булгар посольство халифа, в котором участвовал Ибн-Фодлан, царем был Алмус. Кроме царя у болгар существо-

1) Fraehn, цит. соч., стр. 13.

2) Хвольсон, цит. соч., стр. 89.

3) Согласно ал-Андалуси, посетившему Булгар в 1136 г., срв. Хвольсон, цит. соч., стр. 88. Срв. название Булгарии у Плато Карпини—Билеры.

4) Хвольсон, цит. соч., стр. 84.

5) Хвольсон, цит. соч., стр. 88.

6) Хвольсон, цит. соч., стр. 84.

7) Хвольсон, цит. соч., стр. 82.

8) Хвольсон, цит. соч., стр. 84.

9) Куник, цит. соч., стр. 157.

вали еще т. н. мелики, т. е. по всей вероятности его вассалы или наместники. В подчинении у царя болгар было четыре таких мелика¹). Кроме того у болгар имелись еще так наз. туруны, т. е. резиденты, наместники²).

Отец царя Алмуса был еще язычником, но сам он к прибытию Ибн-Фодлана уже был мусульманином, будучи обращен в могометанство жившими в Булгаре мусульманами³). В 922 году значительная часть болгар тоже уже была мусульманами⁴). Поэтому Ибн-Рустэ знал уже о существовавших у них мечетях и начальных училищах⁵). Возможно, что среди болгар были распространены и другие религии, так напр. Истахри и Ибн-Хаукаль упоминают христианство⁶), а Мукадесси иудейскую религию, которую исповедовали жители того самого города, название которого у Мукадесси передается в неразборчивой форме⁷). Если это действительно так, то это может служить примером влияния хазар.

Первобытной же религией болгар было повидимому шаманство с его обрядами и обычаями. Так напр., по лаю собак предсказывали счастье и урожай; дом, в который ударила молния, покидался, т. к. считался проклятым; северное сияние считалось борьбой демонических существ; змеи считались неприкосновенными; запрещалось мочиться при оружии и т. д.⁸).

Ислам дал болгарам просвещение, которое стояло на высокой ступени. Так напр. Хаджи Хальфа сообщает, что среди болгар были распространены все науки, известные мусульманам. Дошли многие имена болгарских ученых: один по имени Бурхан-эд-Дин Ибрахим Ибн-Юсуф Булгари сочинил комментарии к прославленной среди мусульман книге

1) Graehn, цит. соч., стр. 8.

2) А. А. Шахматов, Заметка об языке волжских болгар, Сб. Муз. Антропол. и Этногр. при Рос. Ак. Н., V, стр. 395 и сл. срв. А. Самойлович. Турун-тудун (там-же), стр. 398.

3) Хвольсон, цит. соч., стр. 8.

4) Graehn, цит. соч., стр. 10.

5) Хвольсон, цит. соч., стр. 23.

6) Graehn, цит. соч., стр. 10—11.

7) Хвольсон, стр. 85.

8) Graehn, цит. соч., стр. 11—12.

„Адаб“, сочиненной Самарканди, и другой комментарий к книге Иссери о реторике. Его же перу принадлежит сочинение „О простых лекарствах“¹⁾.

Другой ученый—Якуб бен-Номан, более известный под именем болгарского Казия, написал в первой половине XII ст., т. е. за столетие до монгольского нашествия, историю Булгарии²⁾.

Мерилом экономического благосостояния страны является ее торговля, и в этом отношении Булгария должна была занимать по тогдашним понятиям одно из первых мест, ибо имела крупную торговлю с русскими. весью (западно-финским народом, жившим, как уже сказано выше, в Белозерском краю), с югрой (вероятно остяки), хазарами, Хорезмом (нынешняя Хива), Хорасаном (провинция Персии) и побережьем Каспийского моря³⁾. Предметами вывоза, в частности в Хорезм, согласно Мукадесси были: зайцы (вероятно шкуры), меха—собольи, беличьи, горностаи, куница, лисьи, бобровые, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы зубы, бобровая струя, янтарь, юфть, мед, орехи, барсы или гончие собаки, мечи, рогатый скот⁴⁾. По Андалуси—еще мамонтова кость⁵⁾. Кроме того из Булгарии в различные страны вывозили курения. Особенно же славилась буггарская юфть, которая на всем востоке среди различных народов была известна под названием „булгари“, т. е. „булгарская“, под каковым названием особый вид дорогой кожи известен еще и теперь среди турок и монголов. Любопытно также отметить, что Булгария, обладавшая большими запасами зернового хлеба, в годы неурожая снабжала им русских: так напр., известно, что в 1229 г., когда русскую землю постиг сильный неурожай, болгары возили хлеб по Волге и Оке во все русские города⁶⁾.

Ведя такую широкую торговлю с другими народами, Булгария естественно не могла удовлетворить спрос исключительно своими товарами и поэтому скупала их у соседей.

¹⁾ Хвольсон, цит. соч., стр. 90—91.

²⁾ Fraehn, цит. соч., стр. 2; Хвольсон, цит. соч., стр. 87.

³⁾ Fraehn, цит. соч., стр. 16.

⁴⁾ Хвольсон, цит. соч., стр. 181.

⁵⁾ Хвольсон, цит. соч., стр. 88.

⁶⁾ Ашмарин, цит. соч., стр. 26.

Так например, известно, что из Пермского края в Булгар ввозились собольи меха, из земли веси ввозились разные другие меха, за которыми ездили болгарские купцы, поднимаясь вверх по Волге на кораблях¹⁾. Точно также меха ввозились к ним для дальнейшего следования в страны ближнего востока и из Руси²⁾.

В результате торговых сношений с мусульманским миром появилась у болгар своя денежная система. Таких болгарских монет известно довольно много, причем к наиболее древним принадлежат монеты 950 и 976 годов, чеканенные в Булгаре и Сиваре при царях Талиб и Мумин³⁾. Болгарские монеты, из которых монеты XIV ст. дошли до нас в особенно большом количестве, проливают некоторый свет на темные периоды истории Булгара. Так например, на основании монетных легенд мы знаем, что город Булгар существовал еще в первой четверти XV ст., ибо имеются болгарские монеты 1427—1428 года.

Кроме монет у болгар имели хождение повидимому шкуры: Ибн-Фодлан, например, сообщает, что болгары платят подать воловьими шкурами⁴⁾, а Ибн-Рустэ говорит, что болгарам звонкую монету заменяют куньи меха, причем один мех приравнивался к двум диргемам с половиной⁵⁾.

Все это говорит в пользу того, что Булгария была весьма богатая страна, игравшая первую роль в Поволжье и имевшая поэтому огромное влияние на своих соседей, благодаря ей познакомившихся со многими продуктами земледельческой и скотоводческой культуры, ибо, как и в период между VI и IX ст., так и в период от X до XV столетия, болгары среди своих ближайших соседей не имели никого, кто мог бы с ними конкурировать.

Переходя теперь к взаимоотношениям волжских болгар IX столетия и более новых времен со своими соседями, каковыми являлись мари и пермские финны (т. е. коми и

1) Хвольсон, цит. соч., стр. 187.

2) Хвольсон, цит. соч., стр. 23.

3) Graehn, цит. соч. стр. 17.

4) Graehn, цит. соч., стр. 8.

5) Хвольсон, цит. соч., стр. 24—25.

воты), следует заметить, что их взаимоотношения, как и взаимоотношения венгров и болгар, носили мирный характер. Это и неудивительно, ибо в военном отношении болгары тоже стояли неизмеримо выше своих ближайших соседей, имея хорошо вооруженную армию, о чем свидетельствует Ибн-Рустэ, говоря „болгары ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение“¹⁾. Кроме того известно, что кольчуги, мечи и стрелы составляли даже предмет вывоза из Болгарии в Хорезм²⁾.

Вообще, внешняя политика Болгарии носила повидимому миролюбивый характер. Тем не менее, если болгарам приходилось воевать с соседями, то войны эти обычно оканчивались удачно для болгар, как например, взятие болгарами города Муром в 1088 году в отместку за убийство разбойниками болгарских купцов³⁾, вторжение болгар в муромские и рязанские земли в 1184 году, взятие болгарами в 1218 году Устюга и т. д.⁴⁾.

Будучи народом миролюбивым, болгары путем мирных сношений оказывали на своих соседей сильное влияние. Эти соседи, как уже сказано выше, были мари (черемисы) и воты. Кроме этих двух финских народностей по соседству с болгарами жила еще мордва (называемая мусульманскими авторами „буртасами“), но повидимому она непосредственных сношений с болгарами-чувашиами не имела, ибо слов действительно чувашского происхождения в мордовском языке чрезвычайно мало, и в сущности они сводятся к следующим: мордовское айра „прохладно“ (о погоде)=чув. уйар „ведро“ (тат. аяз), морд. сирек „яшень“=чув. ҫирёк „ольха“ (тат. йирек), мордовск. а ка „старшая сестра“=чув. акка; мордовск. керемет=чув. киремет „злой дух“; мордовск. кушман „редька“=чув. кайшман; мордовск. суюкоро „пирог“=чув. ҫайкар „каравай“.

Поэтому можно полагать, что оживленных сношений между болгарами и мордвой никогда не было. По этому поводу финляндский исследователь Паазонен говорит следующее:

¹⁾ Хвольсон, цит. соч., стр. 24.

²⁾ Хвольсон, цит. соч., стр. 181.

³⁾ Ашмарин, цит. соч., стр. 26.

⁴⁾ Ашмарин, цит. соч., стр. 27.

„приведенные слова встречаются также у мордвы, жившей на крайнем западе в Пензенской и Тамбовской губерниях, которая ныне не соприкасается с чувашами и о существовании таковых даже ничего не знает. Безусловно отношения между этим двумя народностями с момента пришествия татар в XIII столетии никогда иными и не были. Поэтому едва ли будет ошибочно утверждение, что все эти слова восходят к до-татарскому периоду, когда предки чувашей, древние болгары, играли гораздо более значительную роль, чем их опустившиеся потомки, не только для мордвы“¹⁾.

И в отношении некоторых слов это замечание Паазонена справедливо, так например, мордовск. айра „прохладно“ являет собою как-раз древнюю форму нынешнего чув. уйар, именно форму до XIV столетия, ибо известно, что переход а→у в чувашском языке завершился после XIV столетия²⁾. Тем не менее, чувашских заимствований в мордовском языке настолько мало и притом многие из них в фонетическом отношении настолько новы (напр. формы с $\text{ç} \leftarrow \text{дж} \leftarrow \text{й}$, каковой переход завершился после XIV столетия³⁾), что мы вынуждены признать, что они попали в мордовский язык значительно позже болгарской эпохи и даже, быть-может, непосредственно из чувашского языка, что особенно применимо к слову кереметь, чрезвычайно сильно распространенному среди всех финнов Поволжья, заимствовавших культ кереметя от чувашей, так, что возможно, что мордва переняла этот культ непосредственно от чувашей, а у кого-нибудь из соседей последних.

Наконец, некоторые из чувашских заимствований в мордовском языке лишь предположительно чувашского происхождения, напр. мордов. серă „медь“ — предполагаемой чувашской формы çёр , против чего можно возразить, что такого чувашского слова нет. Впрочем, Мункачи выводит это слово из иранского z a g „золото“⁴⁾. То же самое можно сказать и относительно некоторых других слов, указываемых Паазоненом в пункте пятом на стр. 7.

1) Н. Paasonen, Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen, Журнал Финно-Угорского Об-ва, т. XV, №2, стр. 7.

2) Поппе, цит. соч., стр. 12.

3) Поппе, цит. соч., стр. 24.

4) Paasonen, цит. соч., стр. 47.

Итак, из всего сказанного следует, что факт длительных сношений мордвы с чувашами и их предками мало вероятен. Зато не подлежит никакому сомнению факт чувашско-марийских сношений, что весьма понятно, ибо марийцы и чувашаи еще и теперь являются во многих местностях непосредственными соседями. При этом чувашское влияние на марийцев оказалось настолько сильным, и настолько глубоко оно затронуло все стороны марийского быта, что по отзыву компетентных специалистов нет другого финского языка, в котором чувашское влияние ощущалось бы так сильно, как именно в марийском языке¹⁾. А так как язык в значительной степени отражает культурное развитие народа, то на основании чувашских заимствований в марийском языке можно составить себе представление о том, в каких областях культуры марийцы подверглись влиянию со стороны чувашей.

Что касается хронологии чувашских заимствований в марийском языке, то большинство из них относится не к эпохе начала болгарского царства, а скорее к концу, причем среди этих заимствований имеется ряд совершенно новых, что доказывает, что чувашское влияние на мари до самого нового времени не прекращалось совсем. Так например, в отношении передачи чувашского $y \leftarrow *a$ (каковой переход, как сказано, произошел после XIV столетия), соответствующие чувашские заимствования в марийском языке должны быть признаны совсем новыми, ибо взяты они уже с y , т. е. после XIV столетия, и единственным исключением является марийск. парьна „палец“. Точно также слова с чувашским $a \leftarrow *ä$ заимствованы в марийский язык уже с a , причем и этот переход позднего происхождения. Наконец, чувашские слова с начальным $\zeta \leftarrow *j$ (через звук дж) в марийском языке заимствованы с ζ или $\zetaь$, причем и этот переход произошел, как известно, после XIV столетия, ибо в болгарских надгробных надписях XIV столетия нынешним чувашским словам на ζ еще соответствуют формы на дж (в арабской транскрипции ζ).

Из всего этого можно заключить, что большинство чувашских заимствований в марийском языке недавнего про-

¹⁾ М. Räsänen, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tschermisssischen, Записки Финно-Угорского О-ва, т. XLVIII, стр. III.

исхождения. Созершенно очевидно, что марийцы, включая и уфимских, вплоть до минувшего столетия находились в оживленных сношениях с чувашами, не говоря уже о продолжающихся и ныне сношениях западных марийцев с ними, благодаря чему, в силу еще недавнего культурного превосходства чувашей, марийский язык все больше и больше обогащается чувашскими заимствованиями¹⁾, число которых теперь доходит до 500²⁾.

Не имея поэтому возможности в настоящем кратком очерке перечислить все чувашские слова, заимствованные в марийский язык, мы можем ограничиться лишь перечислением тех понятий, которые ими выражаются, отсылая интересующихся к специальной книге Рэзэнена, посвященной исключительно вопросу о чувашских заимствованиях в марийском языке и содержащей полный словарь чувашских слов, встречающихся и в марийском языке³⁾. В связи с этим любопытно отметить, что чувашское влияние на марийцев оказывается сильнее, чем даже татарское, ибо татарских заимствований в марийском языке около 650 против 500 чувашских, причем однако из этих 650 значительная часть заимствована не непосредственно из татарского языка, но опять-таки через чувашское посредство⁴⁾.

Переходя теперь к отдельным категориям понятий, выражаемых словами чувашского происхождения в марийском языке, мы можем в общем установить следующие: 1) слова, относящиеся к скотоводству, 2) к земледелию, 3) к постройкам, 4) к ремеслам, 5) к домашней утвари, 6) к пище, 7) к одежде и 8) к общественному быту.

Чувашских слов, относящихся к скотоводству, мы находим в марийском языке всего 30 („пороз“, „телка“, „теленок“, „баран“, „овца“, „ягненок“, „коза“, „свинья“, „петух“, „курица“ и т. д.). К коневодству относятся — „седло“, „потник“,

1) M. Räsänen, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Записки Финно-Угорского Об-ва, т. L, стр. 94.

2) Räsänen, цит. соч., стр. 90.

3) Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen.

4) Räsänen, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, стр. 90.

„хомут“, „дуга“, „узда“, „удило“ и т. д. Из земледельческих терминов (37 чувашских против 25 татарских) можно упомянуть „овес“, „хмель“, „гөрөх“, „редька“, „капуста“, „просо“ и т. д. К строительной терминологии относится 20 чувашских слов, среди них „постройка“, „баня“, „стойло“, „погреб“, „окно“, „ключ“ и т. д.

Много чувашских слов, относящихся к средствам передвижения, напр. „телега“, „полоз“, „оглобля“, „плот“ и т. д.

Из марийских названий минералов и металлов чувашского происхождения „сталь“, „жесть“, „квасцы“.

Очень много насчитывается чувашских слов, относящихся к ремеслам и домашней утвари (всего около 50), напр., „мялка“, „мотовило“, „кострика“, „кожа“, „наковальня“, „гвоздь“, „пила“, „печь“ (хлеб), „полэг“, „зеркало“, „метла“, „мыло“, „ящик“, „сундук“, „сосуд“, „свеча“, „сковорода“ и т. д.

К пище и приготовлению ее относится всего 15 чувашских слов, напр., „миса“, „сыворотка“, „кислое молоко“, „сыр“, „колбаса“, „хлеб“, „прляность“.

Из слов, относящихся к одежде, всего зарегистрировано 17 чувашских слов, например, „шлык“, „сукно“, „шапка“, „женский головной убор“, „воротник“, „кафтан—шупар“, „бахрома“, „стеклянные бусы“.

Наконец, к общественному быту относятся следующие слова: „князь“, „свидетель“, „крестий“, „чуваш“, „татарин“, „деревня“, „город“, причем любопытно отметить, что даже название города Казани в марийский язык перенято в чувашской форме Озан← чув. Хусан. Сюда же относятся слова, как „деньги“, „прибыль“, „долг“, „н нимать“, „давать займы“, „писать“, „война“, „войско“, „победить“, и т. д., а также около 10 названий родства.)

Испытав такое сильное влияние со стороны чувашей во всех областях культуры, марийцы естественно заимствовали от своих соседей также много религиозных обрядов и

1) Räsänen, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, стр. 95 и сл.

церемоний. Так например, мы находим у марийцев во всей широте культ кереметя¹⁾, заимствованный от чувашей вместе с самим названием духа²⁾.

Возможно, что от чувашей же заимствовано марийское божество водыш, хотя происхождение его еще недостаточно выяснено³⁾. Зато определенно чувашского происхождения марийское представление о водяном божестве вўтоза⁴⁾ и о злом божестве вувер⁵⁾. На влияние чувашей на различные представления марийцев указывают кроме того следующие заимствования: „праздновать“, „просить божество“, „колдун“, „алтарь“, „создатель“, „душа“, „грех“, „проклинать“ и т. д.⁶⁾ И хотя утверждение, будто вся эволюция религиозных верований марийцев произошла под влиянием соседей их—чувашей⁷⁾, немного преувеличено, мы тем не менее не можем не согласиться с тем, что чувашское влияние на религию мари было все же очень велико.

По совершенно понятной причине чувашки не могли также не оказать влияния и на брачные обряды мари, настолько разнообразные, что их здесь невозможно коснуться⁸⁾.

Итак, мы видим, как сильно влияние чувашей на марийцев. Неудивительно поэтому, что марийский язык так далеко отошел от прочих финно-угорских языков, ибо он впитал в себя невероятное множество чувашских элементов, сильно изменивших его первоначальный вид, причем

1) И. Н. Смирнов, Черемисы, Казань, 1889, стр. 163 и сл.

2) H. Paasonen, Beiträge zur Kenntnis der Religion und des Kultus der Tscheremissen, Keleti Szemle II, стр. 206.

3) Räsänen, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen, стр. 274.

4) U. Holmberg, Die Wassergottheiten der finnisch-ugrischen Völker, Записки Финно-Угорск. Об-ва, т. XXXII, стр. 118.

5) Räsänen, цит. соч., стр. 121.

6) Räsänen, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, стр. 98.

7) Смирнов, цит. соч., стр. 28.

8) Можно указать весьма ценную книгу по вопросу о браке у восточных финнов—А. Hämäläinen, Mordvalaisten, tseremissien ja votjakkien kosinta ja häätavoista, Журнал Финно-Угорск. Об-ва, т. XXIX, срв. главу о черемисах стр. 100 и сл.

это влияние коснулось не только словаря марийского языка, но и его морфологии, в результате чего марийский язык утратил, старое финно-угорское окончание множественного числа, заменив его новым—шам или шамыч, заимствованным из чувашского (сам)¹⁾. И это чувашское влияние на марийцев не есть, как мы видим, нечто отошедшее к давно прошедшим временам, но нечто, местами продолжающееся и до настоящего времени.

III. Чуваши и пермские финны.

К народам, с которыми чувашаи соприкасались на пути своего исторического бытия и на которых они оказывали могучее культурное влияние, кроме венгров и марийцев, принадлежат еще пермские финны, т. е. воты и коми.

К хронологии сношений чувашей с этими народностями, нашедших отражение в языках последних, следует заметить, что современная наука их относит к эпохе волжско-булгарского царства, т. е. к периоду между VII и XIV столетиями²⁾. Однако, более точное обследование характера чувашских заимствований в языках коми и вотов показывает, что они восходят к гораздо более новым временам, чем эпоха булгарского царства.

Так например, чувашскому **у**, развившемуся из ***а**, каковой переход, как неоднократно уже указывалось, совершился лишь после XIV столетия, в финских языках пермской группы обычно тоже соответствует **у**, напр., вот. бултыр „брат или сестра жены“ (=чув. пултӓр), бусьоно „свояк“ (=чув. пуҫана), кулым „калым“ (=чув. хулӑм), кун „князь“ (=чув. хун), куромо „илем“ (=чув. хурама), уксьо „деньги“ (=чув. укҫа), улмо „яблоко“ (=чув. улма) и т. д. По этой же самой причине не могут считаться древними также такие чувашские заимствования в этих языках, в которых **а** сохранилось, между тем как в чувашском языке **а** развилась в **у**,

¹⁾ Räsänen, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen, стр. 43.

²⁾ У. Wichmann, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Записки Финно-Угорского Об-ва, т. XXI, стр. 144 и сл.

например, коми чарла „серп“ (=чув. сурла) и т. п., ибо они доказывают лишь то, что они восходят к эпохе до XIV столетия, причем могут восходить к самому XIV столетию и не дальше.

Недавнего происхождения также переход **е** — ***а** в чувашском языке, как доказывают также такие слова, как чув. марата ← русск. мерета, пакша ← русск. векша, сала ← русское село и т. д., почему чувашские заимствования в пермских языках с **а** ← ***е** тоже должны быть признаны новыми, например, вот. ангсыр „узкий“ (=чув. ансър), вотское така „баран“ (=чув. така) и т. д.

Итак, большинство чувашских заимствований в пермских языках нового, сравнительно, происхождения, ибо они восходят в лучшем случае к XIV столетию, а то и к временам, значительно более поздним¹⁾.

Правда, в качестве доказательства очень древнего происхождения чувашских элементов в пермских языках выдвигаются такие слова, в которых нынешнему чувашск. начальному **к** соответствует **г**, а чувашскому начальному **т** — **д**, из чего делается заключение, что эти слова заимствованы из чувашского языка в эпоху, когда последний еще терпел в начале слова звуки **г** и **д**. Такими словами являются вот. губи и коми гоб „гриб“ ← чув. кӓмпа „гриб“ и вот. долак „совсем“ — чув. тул — „наполняться“²⁾. Однако, можно возразить, что вот. губи „гриб“ заимствовано не из чувашского, но повидимому из русского языка, срв. губа (губка в смысле „гриба“), вопреки Вихманну, считающему русское происхождение этого слова невозможным³⁾, хотя расстояние между кӓмпа и губи настолько велико и общего между этими формами так мало, что построение Вихманна кажется довольно сомнительным.

Но самый главный довод против Вихманна это то, что чувашский язык никогда не знал в начале слова звонких **г** и **д**, каковые звуки еще в пра-языке совпали там с **к** и **т**⁴⁾.

¹⁾ Срв. Räsänen, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, стр. 93 и сл.

²⁾ Wichmann, цит. соч., стр. 7—8.

³⁾ Wichmann, цит. соч., стр. 58.

⁴⁾ Поппе, Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам, Изв. Росс. Ак. Наук 1924, стр. 303, срв. Die tschuwassischen Lautgesetze, Asia Major I, стр. 777.

Таким образом и этот аргумент в пользу древности чувашских заимствований в пермских языках отпадает, ибо все говорит в пользу прогивоположного, т. е. в пользу того, что заимствования эти совсем недавнего происхождения.

Отсюда следует, что сношения чувашей с пермскими финнами должны были происходить не только в эпоху болгарского царства, но и значительно позднее, а именно в период после падения волжско-болгарского царства. Картина здесь, как видно, совершенно та-же, что и выше, когда речь шла о чувашско-марийских сношениях.

Из всего того, о чем только что было говорено, вытекает еще нечто другое, имеющее огромное значение для пра-пермской проблемы. Дело в том, что в формах вот-губи и коми гоб „гриб“, неверно возводимых к чувашскому кӓмпа, наблюдается переход мб → б, характерный для того общего языка, к которому восходит нынешний вотский язык и язык коми, т. е. пра-пермского языка. И так как в этом переходе участвует и эго мнимое чувашское слово, было сделано заключение, что часть чувашских заимствований в пермских языках восходит к пра-пермской эпохе, т. е. к эпохе, когда воты и коми были еще одним народом, говорившим на одном общем языке. И потому, что с другой стороны предполагалось (гоже неосновательно, как уже было указано), что чувашские заимствования в пермских языках относятся исключительно к эпохе начала волжско-болгарского царства, т. е. к VII—VIII столетию, то отсюда было выведено заключение, что в VII—VIII столетиях нашей эры коми и воты еще не обособились друг от друга и образовали еще один народ, с одним общим языком¹⁾. Но, так как слова губи и гоб не чувашского происхождения, как выше было сказано, то эта теория утрачивает свою убедительность.

Не могут ее поддержать и остальные примеры, приводимые в ее пользу, а именно вот. куды „лукошко“ ← чув. кунтӓ²⁾, ибо здесь мы имеем позидимому не пра-пермский переход *нд ← д, но простую подстановку сочетанию нд, ставшему необычным для вотского языка, звука д.

¹⁾ Wichmann, цит. соч., стр. 145, 147.

²⁾ Wichmann, цит. соч., стр. 129.

Таким образом теория о том, что конец пра-пермской эпохи относится к VII—VIII столетию, при ближайшем рассмотрении ее с точки зрения чувашского языкознания оказывается чрезвычайно шаткой, и т. к. других критериев для точного определения времени, когда вотский язык и язык коми образовали еще единство, нет¹⁾, то следует признать, что вопрос этот нуждается в коренном пересмотре, ибо часть самых древних чувашских заимствований в пермских языках ныне оказывается не чувашскими, а другая часть датируется во всяком случае не VIII столетием, но гораздо более поздним временем. Кроме того число этих, якобы древних, заимствований из чувашского языка настолько невелико (всего 2 или 3, причем все они, в довершение всего, сомнительны), что теория о том, что пра-пермская эпоха продолжалась до VIII столетия, лингвистически не может быть доказана.

Таким образом, данные чувашского языка оказываются чрезвычайно ценными для решения одного весьма важного вопроса финно-угорского языкознания.

Итак, из всего сказанного явствует, что чувашское влияние на пермских финнов не прекращалось до самого нового времени, что является лишним доказательством того, что даже после падения булгарского царства чуваша в культурном отношении стояли выше своих ближайших соседей, к которым принадлежали и коми и воты.

Переходя к более детальному освещению вопроса о влиянии чувашей на пермских финнов, следует заметить, что нет такой области культуры, на которую чувашское влияние не простиралось бы. Разделив чувашские слова в пермских языках по значению на отдельные категории, мы получаем: 1) слова, относящиеся к постройкам и утвари, 2) к земледелию, 3) к общественной жизни, 4) к родству, 5) животному миру, 6) одежде, 7) растительному миру, 8) религии, 9) торговле, 10) врачеванию. Что касается отдельных слов, входящих в эти круги понятий, то количество их настолько велико, что простое перечисление их заняло бы много страниц. Поэтому здесь можно ограничиться лишь самыми главными из них.

¹⁾ J. Sziunyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin-Leipzig, 1922, стр. 18.

К словам, относящимся к постройкам и утвари принадлежат вотские слова, означающие „пила“, „седло“, „столб“, „хлев“, „ножницы“, „кудель“, „труба“, „лом“, „вилы“, „кнут“, „серп“, „ключ“, „розга“, „ось“, „оглобля“ и др.

Из слов, относящихся к сельскому хозяйству и растительному миру, заслуживают быть упомянутыми следующие: „жать“, „поле“, „гумно“, „межа“, „сеновал“, „сноп“, „солома“, „репа“, „лук“, „зерно“, „сорная трава“, „вязь“, „тростник“, „яблоко“ и др.

К общественной жизни и номенклатуре родства относятся „свидетель“, „подать“, „сватун“, „хан, князь“, „гость“, „вор, разбойник“, „хозяин“, „бабка“, „старшая сестра“, „сосед“, „брат жены“, „свояк“, „зять“, „отчим“ и т. д.

К животному миру относятся „коза“, „заяц“, „баран“, „цыпленок“, „мерин“, „крот“, „перепелка“, „лось“, „чайка“.

Из слов, обозначающих различную одежду, можно привести следующие „опушка“, „оторочка“, „кафтан“, „сукно“.

К религии и первобытным воззрениям принадлежат следующие „кошмар“, „кереметь“, „жертва“, „лесовик“; „грех“¹⁾.

Характер и количество чувашских заимствований в пермских языках свидетельствует о том, что сношения, происшедшие между чувашами и обитателями Пермского края, некогда должны были отличаться большой оживленностью. Что это было действительно так, мы можем заключить из того, что через Пермский край пролегали в разные стороны торговые пути—одни в Югорскую землю, а другие в Булгар, так что Пермский край оказывался как бы в центре между тремя торговыми пунктами—Булгаром на Волге, Чердыном на Колве (приток Камы), и Холмогорами на Северной Двине²⁾, столицей царства Биармов, впервые упоминаемой викингом Отером, совершившим туда плавание в IX столетии. И так как известно, что купцы из Булгара во время своих деловых путешествий часто заезжали далеко на север, где

¹⁾ Wichmann. цит. соч., стр. 131 и сл.

²⁾ Срв. М. А. Castrén's Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, St. Petersburg, 1857, стр. 138—139.

вели так-называемую „немую“ меновую торговлю, о чем сообщает, между прочим, и Ибн-Батута, указывающий место этой меновой торговли в сорокадневном пути от Булгарии на север, куда отправлялись из Булгара на саях, запряженных собаками¹⁾, и так как известно, что как-раз из Пермского края в Булгар возились шкуры черных соболей, причем булгары предпочитали, чтобы пермяки сами привозили их к ним²⁾, то понятно, какому сильному влиянию со стороны своих могущественных соседей должны были подвергнуться обитатели Пермского края, в образовании культуры которых участвовали два элемента—элемент биармийской культуры и элемент болгарской. Последней они обязаны своим скотоводством и земледелием, которых им не могла дать Биармия, находившаяся на дальнем Севере у самого полярного круга.

* * *

Итак, с древнейших времен начиная, и почти до самого последнего времени руководящая роль в распространении земледельческой и скотоводческой культуры в Поволжье и, как мы раньше видели, также в южно-русских степях, принадлежала чувашам и их славным предкам-булгарам. Трагически сложившиеся для чувашского народа обстоятельства—татарское нашествие и затем русское завоевание, не дали дальше развиваться чувашскому народу, вследствие чего мы теперь только на основании различных косвенных указаний можем составить себе представление о том, чем были чуваша в прошлом.

Влияние чувашей на их соседей будет вполне оценено наукой лишь впоследствии, когда будет изучен быт чувашей, когда станут известны основные, характерные для чувашской национальности мотивы и сюжеты сказок и форма их поэтических произведений, когда будет изучен чувашский орнамент и т. д. Теперь перед нами во всей широте своей встает задача всестороннего изучения чувашского народа в его

¹⁾ Хвольсон, цит. соч., стр. 183.

²⁾ Хвольсон, цит. соч., стр. 187.

прошлом и настоящем, в чем заинтересованы не только те, кто занимается чувашами, но и все те, которые интересуются историей Поволжья. Организованное собирание произведений народного творчества чувашей когда-нибудь даст нам более богатые материалы чем те, которыми мы располагаем в настоящее время. И оно будет лучшим памятником, который мы можем воздвигнуть прошлому чувашского народа. Он этого вполне заслужил.